

Два больших бокала на пару вмещают в себя бутылку "Хванчкары".

— Слушай, как же у тебя хорошо, — искренне говорю я, — ты, случайно, платные услуги дизайна не оказываешь?

— Зачем платные? Я и так могу. Давай посмотрим твою квартиру и сделаем. Вот, например, пол — видишь, мраморные плиты по краям отделаны прессованным бамбуком — он никогда не будет проседать или скрипеть. Я мрамор недавно пилил — все руки были в кровавых мозолях.

— **Валера у тебя бывает?**

— Ну, был пару раз, с Люсей вместе заезжали. (Людмила Исакович — жена Леонтьева. — Авт.) Мой собеседник по ходу дела продолжает накрывать на стол, а я завистливо размышляю, какими же иногда бывают аккуратными и хозяйственными некоторые мужчины: и посуда у них открыта до блеска — ни пятнышка, и разные бумажные полотенца для всяческих целей имеются.

— **А что еще ты умеешь делать по дому?**

— Все. Отлично готовлю. Закончил после армии кулинарный техникум, в ресторане работал. Сможешь, например, настоящий узбекский плов сделать? Яйца всмятку — и те не всегда получаются? Могу показать, кто на рижском рынке торгует яйцами с двумя желтками. Они вкуснее.

— **А еще ты где-нибудь учился?**

— В медицинском, но не закончил. Профессионально умею массаж делать, не тот, что нынче в моде — всякий там тайский, а проще говоря, эротический... Нет, эротический я тоже умею. Но и настоящий могу — лечебный, спортивный. Психологий занимался. Знаю испанский, английский, украинский. Польский знал, но подзабыл. Слышишь, песня звучит — "Дикий мед"? Это — моя, с нового диска "Людям даны сердца, чтобы любить", знаешь, как это будет по-испански? Мой собеседник переходит на иностранный язык, к сожалению, его знания остаются неоцененными, я испанского не знаю.

— **У Валеры ты — штатный массажист?**

— Ты что? Нет, конечно! Уже давно у него не работаю. Я пришел в 93-м году, тогда у Валеры половина коллектива осталась в Америке и были проблемы со здоровьем — защемление позвонков, мениск, он почти не мог ходить, очень сложный был период, потом, слава Богу, все наладилось. Я действительно тогда работал у него массажистом, потом охранником. Потом с Ириной Понаровской некоторое время сотрудничал и вот уже два года как делаю сольную карьеру.

— **Ну и как, удачно?**

— До всероссийской популярности далеко, но я учусь, беру уроки вокала, вот уже второй диск записал, клип снял на "Дикий мед...", посмотришь? Смотрю. Нормальный клип, заводной. И музыка прикольная, правда, забавная песенка.

— **Помнишь, как с Валерой познакомился?**

— Ну, еще бы! Коллектив уезжал на гастроли, вечер, метель! Валера идет в кольце милиции по платформе в своем вольном полушубке, такой же волчья шапка и волчьи унты... Боже, как же это все воняло мехом! Следом поклонники стеной, на окнах вагона виснут, ужас. Я дождался, пока он в купе вошел, следом захожу, сажусь напротив, говорю: "Я ваш новый массажист" и сумку решительно под сиденье заталкиваю. Валера кивает, достает книгу и начинает читать. Так и сидим — он читает, я демонстрирую, что не уйду.

— **И не ушел. Понятно. С тех пор вы и вместе.**

— Ну, в общем-то да.

Мы чокаемся и с удовольствием пьем вино.

— Подожди, — вдруг говорит он, — что значит "вы вместе"? Ты что в это понятие вкладываешь?

— **У тебя хотела спросить, тебе лучше знать.**

— Слушай, ты это... Желтой прессы начиталась...

— **А кто это "сливает"?**

— Клянусь, не я.

— **А почему у тебя тогда среди Валериного окружения прозвище Мистер Компромат?**

— Они ревнуют меня просто! Они же все старые друзья, по тридцать лет с Валерой рядом. А я?

— **А ты — молодой да ранний. Понятно, есть к кому ревновать!**

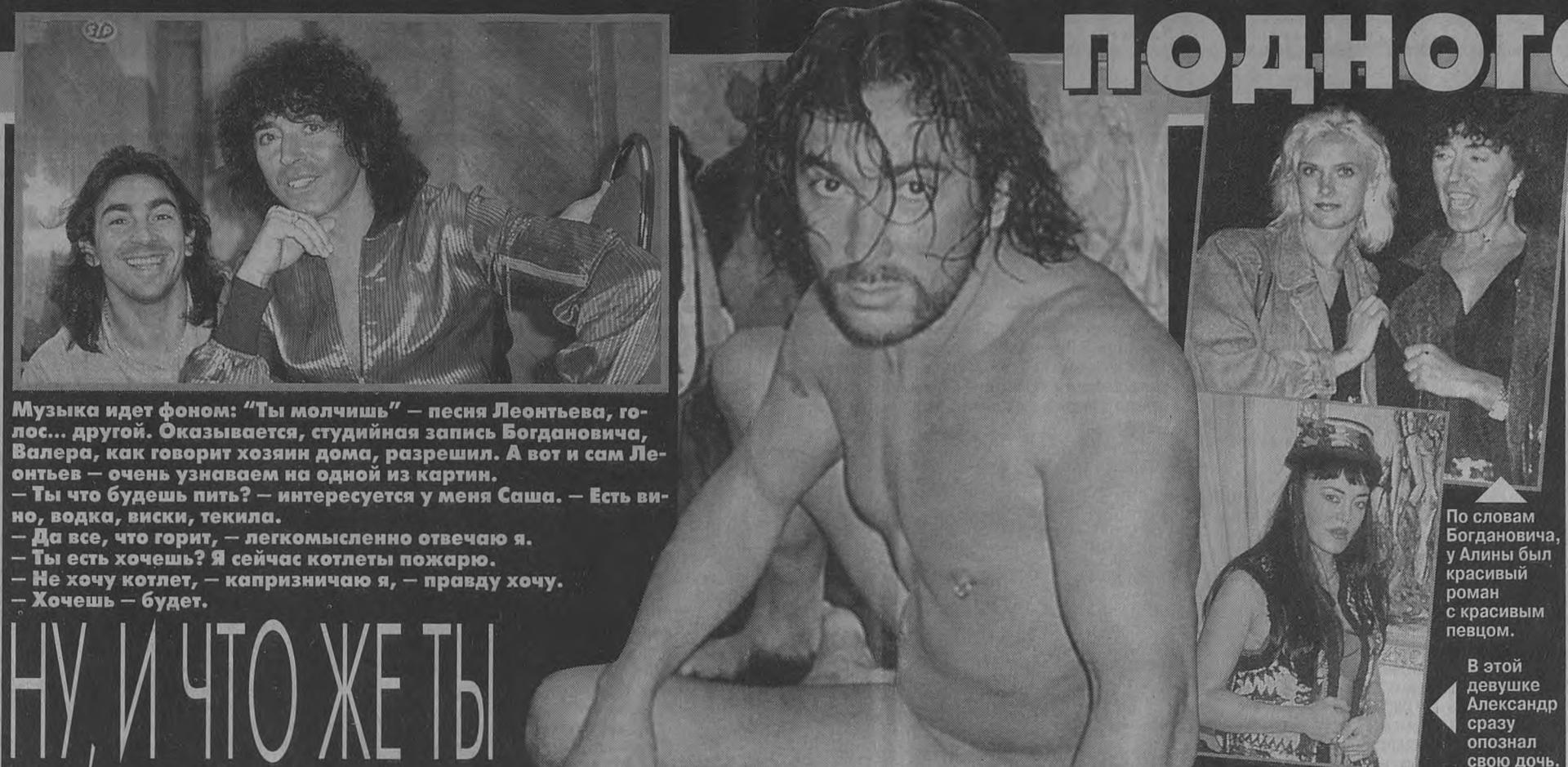
Мы смотрим друг другу прямо в глаза, а затем оба начинаем хохотать.

— Ну, да, Валера меня иногда больше слушает, чем их, — соглашается Саша. — Я лучше знаю день сегодняшний, какая мода на музыку, на новости, чем живет Интернет. И Валера со мной тоже в нынешнем веке, а они — в прошлом. Но он, знаешь, очень умный, всех выслушает, сделает все равно по-своему.

— **То есть он со всеми держит дистанцию?**

— Да. Со всеми.

— **И с Люсей**

Музыка идет фоном: "Ты молчишь" — песня Леонтьева, голос... другой. Оказывается, студийная запись Богдановича, Валера, как говорит хозяин дома, разрешил. А вот и сам Леонтьев — очень узнаваем на одной из картин.

— **Ты что будешь пить? — интересуется у меня Саша. — Есть вино, водка, виски, текила.**

— **Да все, что горит, — легкомысленно отвечаю я.**

— **Ты есть хочешь? Я сейчас котлеты пожарю.**

— **Не хочу котлет, — кипризничая я, — правду хочу.**

— **Хочешь — будет.**

НУ И ЧТО ЖЕ ТЫ

— В меньшей степени, но тоже держит.

— **И с тобой?**

— Слушай, ну хватит. Ну, держит, конечно, держит, еще какую. Давай пить и музыку слушать. А хочешь, я поставлю на видео тот показ дизайнера Шиянова, когда Валера моделью работал? Пьем. Смотрим показ.

— Вот я, на том подиуме работаю. Как, ничего?

— **Да, вполне. Я у тебя по квартире погуляю?**

— Гуляй, конечно.

Нет, мне действительно нравится его дом. Белозолотые тона настраивают на безмятежный лад. Я лично не люблю объемных картин в доме, но эти, в стиле импрессионизма, очень хороши.

— Вот две написаны по сюжету "Мастера и Маргариты", я увидел их на вернисаже и уговорил продать, — комментирует хозяин. Напротив спальни в стиле Боттичелли другая картина во весь стенной проем. Юный обнаженный греческий бог смахивает на одну российскую звезду.

— **Валера позировал или по фотографиям писали?**

— Это — не Валера, это — я, с меня рисовали.

— **Что ты говоришь? Впечатление складывается другое. Ну да ладно. Кто здесь у тебя на фото, расскажи.**

— Это — родители, мама у меня уже умерла, только отец жив. Вот — брат, погиб, когда ему было всего 25 лет, автокатастрофа, вот я с женой. Этот снимок с Валерой, нравится? Заходи в спальню, не стесняйся.

Боже мой, моя розовая мечта! Чтобы в спальне была лишь всегда готовая принять тебя в свои объятия расстеленная кровать и больше ничего!

— Там у меня хобзик и все, маленькая квартира, но я же один живу, куда больше?

— **О, джакузи и биде есть, и пол теплый, а сколько склянок! Ну, с ума сойти! Слушай, ты все говоришь — Интернет, где компьютер?**

Хозяин в недоумении разводит руками:

— Знаешь, скверная история случилась. Я очень гостеприимный человек, у меня всегда народу в доме, иногда по двадцать человек ночью напролет гуляют. Ну и вот на днях так погуляли, я утром встал, а ноутбука нет, один модем. Кто-то просто положил в сумку и ушел. Кто — не знаю, ну как я могу на кого-то подумать, все же свои были, знакомые. Валера еще даже не знает об этом.

— **А зачем ему знать, это что — его был?**

— Откуда в моем доме могут быть его вещи? Не знает, что со мной по Сети нельзя связаться. Возвращаемся к оставленным на столе бокалам. На экране тем временем уже Майами — фрагменты домашних съемок.

— **Ты снимал?**

— Да. Видишь, как удачно?

— **Вижу. А чего он тебя в Майами таскает?**

— Так он все свое окружение время от времени приглашает — то на день рождения, то на Новый год — меня, что ли, одного? Просто другим визит не дают, а у меня многократная. Пьем.

— **А с концертами почему вместе уезжаешь?**

ПОДНОГОТНАЯ

не проще? Зачем ты, например, сказал, что он уходит со сцены?

— Клянусь тебе, не говорил я этого! Никуда он не уходит, ну ты же сама знаешь! Какие аншлаги в Москве были, разве от такого можно уйти? Разговор перебивается телефонным звонком. Из разговора понимаю, что моего собеседника прямо сейчас, в пятом часу ночи, приглашают куда-то на вечеринку.

— Хочешь, за город поедем, — прикрывая трубку рукой, предлагает он, — там весело будет, травки курнем. Я отказываюсь, и Саша отвергает предложение.

— И чего ты захотела? — искренне удивляется она, возвращаясь к столу, — потусили бы. Там хорошие люди звали. Я люблю гулять.

— **Да я курить не умею, только если кальян...**

— Я тоже, если ты заметила, не курю.

— **Заметила. А трапеза, пользуешься?**

— Редко очень.

— **А Валера?**

— Да он к траве вообще равнодушен.

— **А чем расслабляется? При таком графике работы и при такой отдаче на концертах с крыши можно поехать.**

— Вино красное пьет, причем грузинское, молдавское или в идеале — домашнего изготовления. И очень быстро восстанавливается. День, ну другой, и снова в форме.

— **А откуда вино домашнее?**

— Поклонница его старая привозит, ты ее знаешь, которая Амалия, она еще Аномалией ее зовет. Она еще чебуреки такие вкусные готовит, пальчики оближешь! Вот в этот раз привезла, а их все без Валеры сожрали, он потом так ругался. Кричал: "Где чебуреки? В морозилке лежали!" Третья бутылка меняет место дислокации, от правляясь в бокалы.

— **Давай все-таки итоги подъема, а то сейчас еще хлопнем и вообще лыка не свяжем. Так почему тебя называют незаконорожденным сыном Леонтьева?**

— А может быть, я и есть его сын? Да я готов хоть сейчас экспертизу сделать...

— **Я не спрашиваю, на что ты готов, я спрашиваю, откуда пошла такая легенда?**

— Ну... Фамилия просто у нас одинаковая. Хочешь, паспорт покажу?

В обоих красных книжечках — заграничной и отечественной — в графе "фамилия" действительно стоит "Леонтьев".

— **Откуда фамилия, денег в ЗАГСе дал?**

— Да нет. Жена у меня просто была. По фамилии Леонтьева. Ну, я когда к Валере пришел, решил ее фамилию взять, забавно же.

— **И у тебя была жена? А что развелся?**

— Да она была фанатик Валеры! Как жить-то?

— **Высокие отношения... Значит, ты — гетеросексуал?**

— Слушай, ну как тебе не стыдно? У меня внуки уже!

— **Какие внуки? Тебе лет-то сколько?**

— 37.

— **И когда же ты женился, разводился?**

— У меня ребенок не от жены. Сам узнал недавно, в Ивано-Франковске жил с женщиной — Галкой, потом жизнь развернула. А год назад приезжает женщина молоденькая, девятнадцать лет — ее дочь. Ну, как оказалось, и моя тоже. Никаких сомнений. Я помог ей устроиться в Москве, а потом у нее родилась дочь. Так что я — счастливый дед.

— **Понятно. Как внучку-то зовут?**

— Ой... Не знаю.

— **Ясно. Давай с последним разберемся. Так ты — Валере друг?**

— Ну, как ты сама думаешь? Мы столько лет вместе работали!

— **Близкий?**

— Хотело бы верить, но не мне одному на этот вопрос отвечать.

— **А что насчет "весыма"?**

— Однозначно нет. Если речь идет о сомнительном смысле этого слова.

Он угрюмым лицом остается переночевать:

— Ну куда ты поедешь? Это просто опасно, в конце концов!

Я отнекивалась, ссылаясь на семейное положение:

— **А потом, у тебя же кровать пусты и двуспальная, но она. Ты-то куда ляжешь?**

Похоже, этот вопрос его удивил:

— Ну, если тебя что-то смущает, ляг в гостиной.

— <